

Иштван БАКА Завещание Степана Пехотного

Baka, Istvan. Sztjepan Pehotnij testamenu.
Budapest, Pecs, Jelenkor Kiadó, 1994. 64 old.

Тоненький сборник стихов венгерского поэта Иштвана Баки — подлинный вызов человеческого духа, брошенный материи и времени. Признаюсь: в первый момент тянет сравнить появление этой книжки с многократно прославленным подвигом Николая Островского, написавшего на одре неизлечимой болезни книгу о закалке рыхлого, ненадежного человеческого материала в сырье, пригодное для производства гвоздей... Но такое сравнение оказалось бы весьма неуместным. Ведь всем своим творчеством, и уж тем более данным сборником, Иштван Бака, вместе со многими другими представителями поколения венгерских писателей, вступивших в литературу на рубеже 60-х и 70-х годов, после краха последних иллюзий относительно появления у социализма человеческого лица, как раз и отрицает то мироощущение, одним из символов, фетишей, образцов которого стал на долгие годы Павка Корчагин.

Взлет духа, благодаря которому Иштван Бака, преодолевая тяжелый недуг, создавал и создает свои проникновенные, совсем не бодряческие стихотворения, не заимствован у какого бы то ни было объекта коллективного восторга (пусть даже он и сохранил бы под собой моральное обеспечение). Его сила и творческая способность духа — свои собственные, не отраженные. И именно в этом — одна из причин убедительности и привлекательности этого поэтического явления — творчества Иштвана Баки.

Конечно, я не хочу представить этого поэта как некий изолированный от всех и вся, возникший в пустоте феномен. Бака в полной мере сын своего времени; прекрасные страницы эпохи — предмет гордости и для поэта, ее позор и боль — позор и боль и для него. Его талант впитывает соки из той по-

чвы, которая его вырастила. И есть лишь один нюанс (но этот нюанс — решающе важный, отличающий подлинную человеческую индивидуальность от мнимой величины): он берет из этой почвы не то, что уподобило бы его прочим, а то, что укрепляет его особым, подчеркивает и усиливает неповторимость его таланта.

В этом смысле сборник «Завещание Степана Пехотного» — тоже вызов: в данном случае вызов господствующим умонастроениям исторического момента. В то время как официальная Венгрия, вырвавшись из-под советской опеки, отвернулась и от всего русского, а за ней отвернулись и многие из тех, кто не столь давно был истовым русофилом, Иштван Бака словно бы нарочито повернулся лицом — не к России, а к тому, что в ментальности, в духовной сфере, в культуре России наиболее соответствует его, Иштвана Баки, личному настрою, мировидению и миропониманию.

Для этой цели поэт выбирает себе маску, или лирического героя, или alter ego. Это некий русский поэт, родившийся «на заре одной из пятилеток» в Ленинграде и проживший там всю жизнь, возвращенный на присущих массовому советскому человеку иллюзиях, постигший во всей глубине убожество и несвободу советского бытия, прошедший через разочарование в былых идеалах. Имя и фамилия этого alter ego — Степан Пехотный, что есть перевод имени и фамилии самого поэта (baka — пехотинец); в такой огласовке он как бы встраивается, хотя бы одним боком, в череду русских советских поэтов: Голодный, Веселый и т.д., которые более или менее успешно осваивали и передавали в поэтическом слове перевернутую в 1917 году российскую действительность. Будучи венгром, Иштван Бака старается как бы обрести русскую душу, пережить русское ощущение мира. Он так же полон горечи и уныния, как и его русские собратья, так же вынужден глушить свое отчаяние водкой, так же склонен к меланхолии и пессимизму — и так же живет надеждой, что несчастная страна когда-нибудь будет жить достойно, по тем возможностям, которые часто гибнут, невостребованные, в

недрах народной души. И так же находит пищу для этой надежды в сокровищах русской культуры, русской литературы — пусть создатели и носители этой культуры едва ли не поголовно оказывались ненужными своей стране.

В сущности, едва ли не все стихотворения в сборнике И.Баки — это реминисценции на темы русской культуры давнего и недавнего прошлого. Дорогие русскому сердцу — и сердцу Степана Пехотного — имена, произведения, образы появляются в явном или завуалированном виде, на фоне нынешней, уже постперестроечной, а потому подчас вдвойне горькой реальности, на фоне ленинградского-санкт-петербургского городского пейзажа (в Ленинграде Бака был студентом). (Поэзию Иштвана Баки можно было бы смело отнести к постмодернистской — если бы это хоть что-то давало для ее понимания!) Поэтический мир Баки всегда обладает по крайней мере двумя точками или центрами видения: литературным и личностным; этому факту его стихи обязаны своей стереоскопичностью, выпуклостью, особой выразительностью.

Но, прежде чем рассказывать о стихах Степана Пехотного, необходимо упомянуть, что перед «Завещанием Степана Пехотного» в книге есть еще два цикла: «Раны Тристана» и «Дети Сатурна».

Здесь уместно будет заметить, что Иштван Бака еще в одном аспекте бросает вызов существующему порядку вещей: он демонстративно, подчеркнуто, последовательно возвращается к строгой поэтической форме (в наше время, время отрицания канонов, свободы эксперимента, подобный поворот к самодисциплине можно воспринять только как вызов). Первый цикл состоит сплошь из сонетов. Три сонета «Эней и Дидона», очевидно, представляют собой поэтический отклик на стихотворение И.Бродского «Дидона и Эней»; об этом свидетельствует и эпиграф из Бродского. Сонеты написаны от имени Энея, который, покидая Карфаген, с трудом вырывает из сердца страсть к Дидоне. Он утешает себя тем, что его судьбой распоряжаются боги, что ему предназначено положить в Италии начало будущей великой империи. «Не я

хотел — то небом суждено», — завершает его размышления четкая, как приговор, строка. И тем не менее тоска по Дидоне опять берет в нем верх, и он, основатель италийской истории, признается: «... я ненавижу эту землю».

В «Сонетах Фредмена» Бака вступает в диалог с самим Богом, то требуя, то униженно прося Того не смотреть так часто на часы и дать ему, поэту, еще хоть немножко земного бытия. «Коль дал ответить мне уюта и тепла, / Дай посидеть еще у Твоего стола».

Наконец, три сонета под одним названием «Раны Тристана» — это снова сонеты о любви, о томлении рыцаря, вынужденного уступить то, чем он жив, королю Марку и возводящего свою страсть в масштабы природы, мироздания, вселенной.

Сонеты Тристана получают неожиданное продолжение в цикле «Дети Сатурна», в подцикле «Три апокрифа». Это — «Письмо Изольды», которая оправдывается перед Тристаном, почему она не может бежать, лететь к нему, чтобы слиться с ним во всепоглощающей, великой любви: сегодня что-то сын температурит — «ведь ты же почти наверняка знаешь, что он — твой»; завтрашний день — он принадлежит Марку: «если я завтра с ним не буду спать, в нем снова подозрения проснутся». На послезавтра просил приема бургундский посол: его король шлет перстень с рубином; потом бал и т.д.

Ах, милый, видишь, полон каждый день,
Но верь, и я от ран твоих страдаю.
Мне б только случай — полечу к тебе
И радостно умру с тобой тогда я.

Цикл «Дети Сатурна» передает — то в форме апокалиптических видений («Из книги Бытия», «Дети Сатурна»), то под прикрытием парадоксальных метафор («Капля меда», «Сонеты осы») ощущение поколения, пожираемого отцом-временем, потерявшим разум, чувства, здравый смысл и сохранившим только ненасытный аппетит.

Приправив нас страданием, как солью,
Жрет нас, хрустя костями, страшный век.

Цикл «Завещание Степана Пехотного» состоит из трех тетрадей. «Первая тетрадь» — вариации на тему жертвен-

ности и унижения, переходящих в протест, пускай подчас и бесполезный, самоубийственный. Многозначителен в этом плане образ Раскольникова, появляющийся уже в первом стихотворении, «Ночи Раскольникова» (русские заготовки стихотворений принадлежат самому автору), в сочетании с именем Пугачева.

Луна — как Пугачева череп,
Улыбку горькую кривит,
Внизу — гам, рев, зубовый скрежет,
И сердце топором стучит.

«Фортепиано Рахманинова» и «Прелюдия», посвященная памяти Рахманинова, вопреки ожиданиям, не снимают, не разрешают черного отчаяния предыдущего стихотворения. Образ «изгнанного фортепьяно» становится элементом не гармонии, даже не поисков гармонии, а разрушенного, полного насилия мира, над которым победоносно плывет водочный перегар. Сонет «Ходасевич в Париже» — эпитафия еще одной трагической судьбе, еще одной жертве безумного времени.

Во «Второй тетради» Степан Пехотный как бы переселяется в послереволюционную, гибнущую, затоптанную пьяной матросней Русь. Вороны желтыми клювами пытаются заштопать снежную рубашку, из-под которой выглядывает — уже в трупных пятнах — грудная клетка русской степи. Собравшиеся на фортепианный концерт «осколки старого мира», внимая музыке, думают о том скором моменте, когда в зал ворвутся большевики и под «Дубинушку» поднимут на штык пианиста в черном фраке. В стихотворении «К женщинам России» Бака воздает должное «вечно женскому началу», которое, по его мнению, одно может сдержать напор низменных страстей. «На острова на саях» — разговор с музой, которой поэт объясняет, почему он может предложить ей только дешевое вино да рыбные консервы на закуску — вместо тройки и цыганского хора в ресторане...

Далее автор незаметно переходит к современному Ленинграду, к реальным воспоминаниям о своем житье-бытье в этом городе, к конкретной «музе» — Маше, которую безжалостный поезд увозит в Москву. Бака не склонен вос-

торгаться тем, что принято считать несомненными достижениями советской эпохи: метро ему представляется преисподней, а в Большом театре он замечает не триумф искусства, а привычную униженность людей, в антракте покорно встающих в длинную очередь за бутербродом...

«Третья тетрадь» — это некоторый поэтический синтез, где русская культура прошлого выступает не только как жертва, как объект насилия, но и как нравственный противовес процессу всеобщей гибели и одичания. Здесь мы снова встречаемся с Раскольниковым — но функция этого образа уже несколько иная.

И, как топор — Раскольников, я сердце
Несу, упрятав под пятое пальто.

(«В Санкт-Петербурге снова»)

Может быть, и знаменитая Аннушка, пролившая на рельсы подсолнечное масло, должна восприниматься не как слепое орудие судьбы, а как просыпающееся, пока не осознающее себя чувство справедливости («Ночь в коммуналке»).

Представляя, какова была бы судьба Иммануила Канта в наше время (известно, что Кант никогда не покидал Кёнигсберга!), как урки в лагере вбивали бы в него «критику чистого разума», Бака оплакивает удел философии в России, философии, высшим достижением которой стали брошюры недоучки-семинариста.

Несбывшейся мечте, несостоявшейся любви посвящены стихотворения «Бессонница» и «Когда все распадается». Любовь, даже если конец ее печален, тоже составляет ту часть духовной силы, которая помогает противостоять хаосу.

И попрошу я Бога: пусть вернет
Меня в тот океан, что неделим с тобою.

(«Бессонница»)

Последнее, завершающее сборник стихотворение, «Завещание» — явная реминисценция из Тараса Шевченко. Поэт просит погresti его не в сырую петербургскую почву, а на какое-нибудь из московских кладбищ, где покоится его любовь, Маша. С ней он согласен ждать судного дня, с ней ему не так

страшно думать, что его разбудит: трубный глас архангела или залп какой-нибудь новой «Авроры»...

Таким предстает перед нами «венгероязычный» русский поэт Степан Пехотный, которому судьба не дала в жизни ничего хорошего, кроме любви, способности наслаждаться музыкой, возможности читать в подлиннике великие стихи — и писать стихи.

Ю.ГУСЕВ

ИСПАНИЯ

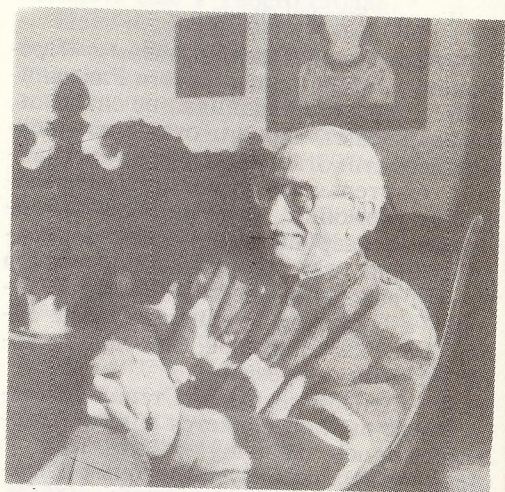
Жизнь,
отданная культуре

Хуан Рамон МАСОЛИВЕР
Профиль былого

Masoliver, Juan Ramón. Perfil de sombras
Barcelona,
Ed. Destino, 1994. 469 p.

Литературоведческая книга редко становится событием. Но при соответствующем личностном и научном масштабе ее автора она может оказывать длительное опосредованное воздействие на общественное сознание и общественную мысль; пример тому — работы М.Бахтина или Д.Лихачева. К таким книгам относится и сборник Хуана Рамона Масоливера «Профиль былого», вышедший первым изданием в ноябре 1994 года. Это «первым изданием» хочется подчеркнуть, потому что уже через три месяца найти книгу в магазинах Мадрида или Барселоны было невозможно, а в апреле 1995-го вышло в свет второе издание — случай редкий, даже редчайший для сборника литературоведческих статей и эссе по истории культуры.

Собственно, жанр книги «Профиль былого» не поддается однозначному определению. Тут и блестяще написанные — как все, что выходит из-под пера этого человека, — литературоведческие исследования, составляющие один из разделов книги. Тематика этих работ отражает многообразие интересов Масоливера: «Об испаноязычной каталонской литературе», «О «дольче стиль нуово»», «Достоевский как писатель»,

«Литературный нигилизм», в которой, отталкиваясь от русской литературы прошлого столетия, автор размышляет об особенностях западноевропейской прозы XX века, в частности о французском экзистенциализме. Вообще, дон Хуан Рамон — глубокий и тонкий знаток и ценитель русской культуры, ее страстный поклонник. Когда в одном из недавних интервью его попросили назвать тех, кто определил лицо современной западной литературы, первым в этом ряду шло имя Набокова.

В другой раздел книги вошли материалы, опубликованные в 80-е годы на страницах журнала «Эль сьерво» в рубрике, название которой вынесено теперь на титульный лист сборника. Это воспоминания о людях, с которыми в разные годы и в разных точках земного шара жизнь сталкивала Хуана Рамона Масоливера, о тех, кто не имел непосредственного отношения к культуре, но